

УДК 151.21: 151.31: 151.41: 151.81 + 81

Маловичко А. В., Козырский В. Г.

ЭПОХА ПАЛЕОЛИТА И МОНОГЕНЕЗ ЯЗЫКА (МОНОГЕНЕЗ ЯЗЫКА – II)

Приведены новые аргументы и нетривиальные иллюстративные примеры в пользу моногенеза языка.

Ключевые слова: языкознание, компаративистика, моногенез языка, ностратическая теория, хамитские языки, дивергенция языков.

Проблемы происхождения и развития языка древнего человека имеют длительную историю. Весь двадцатый век боролись сторонники гипотезы моногенеза языка и их оппоненты. Причем большая часть лингвистов зачастую просто не задумывалась над тем, что возможно определение и исследование территории прародины всех языков (т. е., по нашему мнению, языка архантропа), что дало бы, несомненно, дополнительные аргументы в пользу гипотезы моногенеза. Связано это еще и с тем, что только к концу XX века стала довольно четко прорисовываться картина моногенеза человека. И родиной человечества отчетливо выступает Африканский континент. Поэтому изучение африканских языков могло бы предоставить убедительные иллюстрации происхождения человека.

Мы поставили перед собой следующую задачу: пользуясь результатами, полученными палеоархеологами, палеоантропологами и генетиками за последние 20–30 лет, которые в один голос говорят об африканской прародине человека, мы хотим изложить наше видение появления первичного языка, выход его носителей из Африки и сохранение этого названного нами «единообразным» [1] языка в эпоху нижнего палеолита носителями «единообразной» технологии обработки камня [2].

Следует заметить, что понятие, близкое к «единообразному» языку использовал Моррис Сводеш в статье «Лингвистические связи Америки и Евразии» [3]. Он писал: «Кажется очень вероятным, что связи американских языков базируются в основном на их общем происхождении из одной сравнительно однородной совокупности диалектов, существовавшей в отдаленном прошлом».

Статья М. Сводеша написана задолго до того, как были сделаны выдающиеся открытия в палеоантропологии и в палеоантропогенетике. Поэтому до самого последнего времени лингвисты, да и представители других наук не имели привязки ни к временной шкале биографии человека, ни к территории его возникновения.

Однако надо упомянуть еще и о том, что думают (или думали) о проблеме языка не только лингвисты. Среди лингвистов распространено мнение, что проблема исключительно лингвистическая. Ученые же, занимавшиеся палеоантропологией, т. е. происхождением древнейшего человека [4], убеждены, что «...происхождение языка представляет собой экстралингвистическую проблему, т. е. проблему, целиком лежащую за рамками лингвистической науки, комплексную, т. е. решаемую усилиями разных дисциплин, а то и вообще не решаемую не только на современном уровне развития науки, но и принципиально».

Аналогичную мысль высказал французский лингвист Ж. Вандриес, книга которого «Язык» была переведена в 1937 году [5]: «Когда говорят, что проблема происхождения языка не относится к языковедению, это всегда вызывает удивление. Однако же это истина. Непонимание её вводило в заблуждение большинство писавших о происхождении языка за последние сто лет. Главная их ошибка была в том, что они подходили к своей задаче со стороны лингвистической, смешивая происхождение языка с происхождением отдельных языков».

Полностью соглашаясь с автором этой цитаты и добавляя, что, если происхождение языка — это творческий процесс «изобретения звуковых информационных сигналов», т. е. слов, для всеобщего, первоначального (первичного) языка, который мы назвали «единообразным» [1], то происхождение отдельных языков — это процесс «преобразования» уже существующих языков, в языки, характерные для изолированных с какого-то времени сообществ, которые позднее стали носителями языков определенных языковых семей. Эти сообщества уже имели базисную

лексику, которая, по нашим представлениям, была лексикой «единообразного» языка. К этой базисной лексике, как мы уже говорили, добавлялась лексика, изобретенная в отдельных сообществах в более поздние эпохи (среднего и верхнего) палеолита.

Разумеется, все эти процессы были весьма протяженны во времени. Даже представить себе очень трудно, насколько медленно протекали процессы развития человека. И в то же время можно понять, когда могли произойти радикальные изменения и во внешнем облике человека, и в его психике, и в образе мыслей. Под изменением образа мысли мы понимаем появление зачатков религии.

Мы, однако, не можем согласиться с утверждением Ж. Вандриеса, который в уже цитированной книге выразился так: «Мысль о том, что путем сравнения существующих языков, можно восстановить первичный язык, — химера». Другими словами, Ж. Вандриес считает, что, впрочем, неудивительно, что от древнейшего «первоначального» языка ничего не осталось. Действительно, если руководствоваться теорией глоттохронологии (правда, в 1937 году она еще не была разработана), согласно которой лексика любого языка полностью обновляется в течение 2 тыс. лет, то вряд ли у кого бы то ни было возникнет мысль о том, что лексика древнейшего африканского охотника могла возникнуть раньше миллиона лет назад и что эта лексика способна «дожить» до наших дней. Видимо, поэтому в трудах лингвистов [3, 6, 7] нет и намека на привязку лексики, которую они считают мировой [6], к какой-либо территории, не говоря о территории прародины человека и его языка (которой, как выясняется, действительно была Африка). Нет такой привязки и ко временной шкале.

Здесь необходимо привести также сведения о непонятно большом количестве лексики в так называемом общемировом праязыке, а также о выдающемся труде, опровергающем предположение Ж. Вандриеса. Речь идет о книге «Опыт сравнения ностратических языков» (сокращенно ОСНЯ), Владислава Марковича Иллич-Свитыча [8], при чтении которой у читателя может возникнуть вопрос: как объяснить существование одинаковых по форме слов (разумеется, с одинаковыми значениями), в самых разных языках ностратической языковой макросемьи, если не предположить их происхождение от лексики какого-то древнейшего первичного и единственного на то время языка? Правда, сам автор Словаря ОСНЯ не занимался проблемой местонахождения прародины ностратических языков (наверное, не успел).

Большинство лингвистов, занимающихся проблемой происхождения языков, считают, что территория, на которой человек «изобрел» первые слова была территория Ближнего Востока (см., например, гипотезу о прародине сино-тибетских языков в Западной Азии, изложенную в [9]), или гипотезу Дж. Гринберга [10].

Однако трудно представить себе, что начав трудовую деятельность по изготовлению орудий труда из камня еще в Африке, человек оставался немым в течении нескольких сотен тысяч лет до выхода его с прародины и появления языка западной части Ближнего Востока. Даже животные имеют свой язык, не говоря о языке приматов.

Известно, что среди ностратических языков существует семито-хамитская языковая семья (которую с некоторых пор называют афроазиатской макросемьей языков). Языки, на которой разговаривает часть носителей этих языков, проживающих в Африке, называются хамитскими. Если следовать теории происхождения первичного языка на Ближнем Востоке, то надо было бы представить себе, что носители хамитских языков (и других африканских языков), должны были бы после «изобретения» первичного языка на Ближнем Востоке, вернуться туда, где родились их предки, передав еще немым африканским охотникам, которые не покидали родины, свой первичный язык. Такая модель появления языка вряд ли может быть принята.

Идея о древнейшем первичном языке, который мы назвали «единообразным», возникла у нас после того, как выяснилось, что после выхода архантропа из Африки на огромной территории, включавшей Европу, Ближний Восток, Индостан и саму Африку, в течении нескольких сотен тысяч лет существовала единообразная технология изготовления каменных орудий, что стало основой предположения Дж. Д. Кларка «о едином образе жизни» древнейшего охотника [2].

Вторым нашим предположением было следующее: если Африка была родиной всех языков, то лексика хамитских языков ностратической языковой макросемьи должна быть близка к лексике других африканских языковых семей (не ностратических).

Что касается проблемы «близости» (или сходства) лексики двух сравниваемых языков, то есть, основной проблемы компаративистики, то об этой важнейшей и непростой проблеме можно сказать следующее: правильные компаративистские исследования подразумевают, в первую очередь, исследования базисной лексики. Можно, конечно, исследовать лексику, которая входит в состав 100- и 200-словных списков М. Сводеша. Но если вспомнить, что в настоящее время насчитывается свыше 4-х тысяч языков, можно представить себе, какая это непомерно сложная по объему задача даже для компьютеров. Ведь нельзя же бездумно загружать компьютеры таким количеством лексики, а затем пытаться анализировать такой огромный фактический материал.

Поэтому мы предложили ограничить рассматриваемую лексику только 35-словным списком С. Е. Яхонтова «наиболее устойчивых (во времени) слов» [11]. Однако в этом списке нет глаголов, которые описывают действия связанные с добычей пищи. По нашим предположениям, наиболее актуальными и первичными для передачи информации должны были быть глаголы, которые обозначают действия первобытного охотника: 'бить', 'резать', 'рубить', 'кусать', 'хватать', 'ловить', 'жевать', 'есть', 'глотать' и т. п. и глаголы, описывающие действия при рождении потомства, его кормлении и защите: 'самка', 'ребенок', 'молоко', 'кормить', 'защищать' и т. п. Ясно, что без такой лексики человеку не обойтись и поэтому такая лексика, возможно, более стабильна, чем какая-либо иная.

Таким образом, если продемонстрировать общность некой (предлагаемой нами) лексики в каких-либо африканских языках, а затем найти ту же лексику в таких же формах в языках Евразии (желательно, и Америки), то это стало бы веским доказательством предлагаемой нами гипотезы, которую мы формулируем так:

а) первичный («единообразный») язык африканских охотников появился в эпоху нижнего палеолита задолго до выхода архантропа с прародины;

б) «единообразный» язык очень долго существовал у всех тех, кто вышел за пределы Африки и обладал «единообразной» технологией обработки каменных орудий, благодаря предполагаемому (не только нами) единому образу жизни;

в) элементы первичного «единообразного» языка распространились по всем континентам вместе с расселившимися носителями, начиная уже с эпохи нижнего палеолита. И эти элементы разбросаны случайным образом в самых разных современных языках. В некоторых языках они не дожили до нашего времени, а в других дожили в очень небольших количествах.

В качестве примера распространения одинаковой лексики по всем континентам рассмотрим несколько близких, на наш взгляд, праформ из Словаря В. М. Иллич-Свитыча [8]. Этот Словарь мы обозначаем И-С. Это глаголы, обозначающие действия охотника по обеспечению потребности в пище. Из [8] И-С № 157 каму 'хватать, сжимать'. В сем.-хамит. языках праформа km 'хватать, брать, сжимать'; в и-е (т. е., в индоевропейских) языках gem 'хватать, брать, сжимать'; в урал. (уральских) кама-ла/кома-гЛ 'горсть, пригоршня'; драв. kamΛ 'хватать, брать, держать'; алт. каму 'хватать, брать, сжимать'.

Рассматривая эти вопросы с точки зрения того, что сказано выше, стоило бы обратить внимание на факты наличия такой формы, в первую очередь, в хамитских языках: бербер.: туарег. ektem 'сжимать'; чадск. *km: хауса kāmà 'ловить', мусугеу kaw 'хватать', гидер gema, масса čim 'брать'. Необходимо выделить аналогичную лексику из других языков: урал. энецк. хамтага 'рука', драв.: телугу самуси 'держат, хватать', алт.: тюрк. каракалп. ногайск. kamty 'хватать, схватывать', тунг.: орокск. каму-і 'взять в охапку'. Разумеется, аргументацию изложенного можно усилить, если найти подобную лексику в африканских нехамитских языках. Действительно, такая лексика обнаружена: суахили и лингала kamata 'хватать, ловить'.

Мы уже отмечали, что в Словаре [8] представлены схожие праформы с такими же значениями: И-С № 190 k'aba/k'ара 'хватать', которая существуют во всех шести ностратических языковых семьях. В хамит. языках: кушит.: *qb: билин gab 'держат', сахо kab 'брать, схватывать',

сомали qab ‘брать, держать, иметь’, хауса kama ‘хватать, ловить’, и т. п. С. А. Старостин (Ст) тоже приводит подобную форму, существующую в алт. языках [10]: Ст № 318 *k’ap’V — ‘хватать, держать’.

По нашему мнению, нельзя не обратить внимание на подобные же праформы из Словаря: И-С № 133 ?EmΛ ‘хватать, брать’; И-С № 180 kAmΛ ‘кусающееся насекомое’; И-С № 242 kumΛ ‘глотать пожирать’, и не отметить, что подобные формы с теми же значениями существуют в самых разных современных языках: в тагальском ‘хватать’ kapitan, в тайском ‘кусаться’ — kam, в суахили kiuta ‘тот кто кусается’, в украинском хапати (читается: хапаты, а не хапати) ‘хватать’. Хотя базисная украинская лексика имеет несколько оригинальных форм, т. е. она не похожа на другие славянские формы, она в ОСНЯ почему-то вообще не рассматривается.

Выше мы предположили, что «единообразная» лексика должна была распространиться по всей Евразии и даже на американский континент. Это предположение можно было бы проверить, если найти в североамериканских языках лексику, подобную «единообразной» (мы не имели возможности проверить центрально- и южноамериканскую лексику). Не имея возможности осуществить поиски нужной лексики в журналах последних лет, мы воспользовались формами лексики североазиатских и североамериканских языков, которые приводит в своей статье М. Сводеш [3].

Если приводить в качестве примеров только те формы, которые явно подобны, то можно прийти к выводу о том, что количество сравниваемых языков можно уменьшить. Например, мы убедились, что для африканских языков достаточно использовать формы двух языков: из языков банту — суахили, а из хамитских — хауса.

К сожалению, мы не имели возможности привлечь для сравнения бушменские языки.

У читателя статьи может создаться впечатление, что предложенное решение проблемы происхождения языков не опирается на традиции лингвистов-индоевропейцев. И это действительно так. Причем одной из причин отказа от таких традиций явилось совершенное неприятие «основополагающих идей» решения этно-лингвистических проблем. Мы, конечно же, не можем опираться в своих соображениях, например, на такие «перлы» [12]: «Так носители ностратического праязыка были, бесспорно, европеоидами, о чем, в частности, свидетельствуют палеоантропологические находки, по месту и времени соответствующие предполагаемой прародине ностратической языковой общности». Читатель, наверно, должен понимать это так: хотя местонахождение территории прародины ностратического праязыка только лишь предполагается, но те, кто тут жил, был, бесспорно, европеоидом. Следует отметить, что именно такие «основополагающие идеи» переводят фундаментальную науку в разряд прикладного к политике ремесла. И происходит это, по-видимому, потому, что за дело берутся люди, одержимые славянским, германским, арийским, индоевропейским, европеоидным, советским (и любым другим) шовинизмом, которые не видят, а главное, не желают видеть дальше своего собственного носа. Разве не с такими же явлениями мы встречались на протяжении всего XX века, и не только в Союзе? Благодаря вот такому представлению о прошлом многих народов, изучение их этноистории ограничивается и в настоящее время. А задерживается изучение этноистории народов из-за неопределенности происхождения «главных людей современного вида», т. е. индоевропейцев. Наше понимание этой проблематики будет изложено несколько ниже.

Мы основываемся в нашей работе на фактическом лексическом материале, который, скорее всего, свидетельствует о существовавшем когда-то в действительности древнейшем «единообразном» в нашем понимании языке, от которого осталась значительная часть древней лексики, разбросанная иногда совершенно случайным образом по многим языкам Африки, Евразии и даже Америки.

Какую же лексику можно называть древнейшей? На основании чего можно делать такие заявления? Мы считаем необходимым особенно подчеркнуть, что невозможность объяснения каким-либо разумным образом существование одинаковой по форме лексики в самых различных языках Африки и Евразии (и Америки) позволяет предположить, что наша гипотеза «единообразного» языка может оказаться близкой к истине, насколько это возможно говорить о явлениях многотысячелетней давности. И лексика, «разбросанная» в самых различных языках (и

даже в таких изолированных, как нивхский, баскский, бурушаски и др.), вероятно была лексикой «единообразного» языка.

Ниже мы приводим результаты наших исследований лексики первоначального «единообразного» языка африканских охотников-архантропов. Мы пользовались праформами, полученными В. М. Иллич-Свитычем [8] для ностратических языков, и праформами, полученными С. А. Старостиным для алтайских [11] и енисейских [12] языков. Здесь мы используем также данные из книги Дж. Гринберга [10].

1. 'Я'. Это слово имеет три главные праформы: *mä*, которая распространена в языках всех шести ностратических языковых семей (см. И-С № 289); *ni* (на, ны и т. п.), которая разбросана в разных языках Африки, Евразии и Америки: суахили (swah) *ni-*; луганда (lug.) *n-, nze*; лингала (ling.) *na-*; хауса (hau) *ni*; сомали (som.) *aniga*; тамильском (tam.); в алтайских (Alt) *na*, албанском (alb.) *unë*, нахско-дагестанских (НД) *ны*, в лакском *-на*, , даргинском *ni*; баскском (Bask.) *ni*, *neu*, в древнекитайском (an.-chin.) *ñä*, в тибетском (tib.) *nga*, в нивхском (nivx.) *ни*, *нь*, *нях*, в юкагирском (jukag.) *-ña*, в алеутском (aleut.) *-ñ*. На американском континенте: в квакиутльском (один из америндских языков) *ni*; в языке инук (эскалеутские яз.) *-ña*. М. Сводеш в [3] пишет: «Отметим также очень распространенное употребление *n-* в 1-м лице в языках Америки и во множественном числе в и.-е. **no-s* 'мы'».

2. 'Язык'. Праформы для этого слова дают И-С № 221 *k'ä[IH]ä* 'язык' и Ст для алтайских языков № 422 *k'äliV* 'язык'. В сем.-хамит. языках такую форму мы заметили только в языке хауса *halše, harše* и в других африканских не-сем.-хамит. языках: в суданских *kalat*, в Нило-Сахарских языках: в языках гр. Берта *kula, unkala, halad*; в языках гр. Чари *kalat*. В урал. языках: финск. *kieli*, саамск. *käll*; в нивхском *hilx*. В языках на-дене: хайда *khilqa*. В америндских: гр. моса, в квакиутльском *k'l-m*, в языке нутка **k'ulm*.

3. 'Ты' — *ka, ke* и т. д. Такая форма этого слова встречается очень редко. В языках банту: луг. *ggwe*; хауса *kai, ke, ku* и в тагальском *ka, ikaw*. В большей части языков встречается другая форма, близкая к индоевропейской: *du/tu/te/ti/tin* (в баск. *te*). Для этого слова распространена и третья форма: *si, sinä, sä* в алтайских, а в монг. и нивх. *ši, šen* в картвельских и в тюркских *sä-n*. В алт. яз. существует еще одна форма Ст № 132 **na* 'ты'. В других яз.: там. *ни*, кит. *ni*, навахо (на-дене, апачская группа) *ni*, кутен. *ninko, -nis*, атапаск. (на-дене) *nī, ni*.

4. 'Два' — *bi*. Такая форма существует только в африканских языках (суах. *mbili*, луг. *bbiri, X biyu*) и, что удивительно, в баск. языке: *bi* 'два'. Этот факт может говорить о том, что будущие носители баскского языка пришли в Европу через Гибралтар. Только так можно объяснить происхождение слов в других европейских языках с префиксом *bi-* со значением 'два': бином, биполярный, бифуркация и т. п. По нашему мнению, нужно обратить внимание на существование в английском языке слов «единообразной» лексики).

5. 'Собака' — *kn/kan/ken*. Такой формы этого слова мы не нашли в тех языках банту, которые мы рассмотрели. Но она существует в кит. *quan* (хотя в словарях с русской транскрипцией это кит. слово записывается как *цюань*), и даже в изолированном нивх. языке: *кан* (*han, ган*). В некоторых европ. яз., в том числе в албанском *qen*. Такая форма встречается во многих языках Африки и Евразии: в чадских, кушитских, алт., и-е и др. В картв. языках это вторая часть в слове 'сука' — *дзу-кна*. В одном из эскалеутских языков (эскимосская группа), в яз. инук *qitmiq* 'собака'.

6. 'Рыба' — *kl*. Мы уже писали об этой основе слова в [1, 13, 14]. Она не обнаружена в рассматриваемых языках банту. Зато эта форма существует в чадских, кушитских, алтайских, уральских (в финском) и в отдельных сино-тибетских (в енисейских и бирманском). В нивх. *калм* — 'кит небольшого размера'. В картв. *kal-maxi* 'форель', причем вторая часть основы, *maxi* — это общее название 'рыбы' в персидском. В бирм. языке форма этого слова *хол-*, по нашему мнению, входит в состав названий разных пород рыб: 'лосось' — *схолеман*, 'кета' — *схолмоунга*. Подобная же форма существует в енисейских языках: *kol* — 'вид рыбы', *kolgu* — 'язь', *hola* — 'стерлядь'. В ПЧук. 'рыбья кожа' *qulyë-n*.

7. 'Знать' — *kn/cn*. В Словаре [8] есть две праформы для этого слова: И-С №42 *c'ina* 'знать', и №163 *kEN/* 'знать'. Первая праформа встречается в семито-хамитской и картв. язы-

ковых семьях. А вторая в с-х, карт. и индоевропейской (и-е) языковых семьях. По нашему мнению, обе праформы можно объединить в одну. Интересно одно схождение, которое может оказаться случайным: хауса 'знать' *sani, shina*, в яз. навахо — *sin*.

8. 'Глаз', 'смотреть', 'видеть' — *kan, k'an*. Эти три слова в некоторых языках имеют одну форму: Х *gani* — 'смотреть, видеть'; Там. *kān* — 'глаз, смотреть, видеть'; кит. *кань* — 'смотреть, видеть'; нахск. (нахские языки) — ган 'видеть'. Очень распространена форма для слова 'глаз', которая в Словаре [8] имеет праформу И-С №118 *Huk'a* — 'глаз, видеть', а в общеалт. лексике у С. А. Старостина [11] — *uka* — 'замечать, понимать'. Возможно, эти две формы: *kan* и *u/oka* когда-то произошли из одной.

9. 'Огонь'. Важнейшее слово для первобытного человека. Мы его рассмотрим вместе со словами, близкими к слову 'огонь'. Это 'гореть', 'жечь', 'жар (от огня)' 'горячий' и др. Мы считаем самой интересной формой основы этого слова *ot/at/ut*. Такие формы для этого слова интересны тем, что они встречаются, как в африканских языках банту (суахили (*swah.*): (*m*)oto — 'огонь', 'жар', 'гореть' и 'пламя' (еще и (*j*)oto 'жар'); лингала (*ling.*): *moto, mioto, bamoto* — 'огонь') и чадских: хауса (*hau.*) *wuta* — 'огонь'), но также, как ни странно, в Алт.: Ст 81 *ōt'a* — 'огонь', 'горячий', 'теплый'. Эта праформа присутствует и в и-е яз.: перс. (и тадж.) *ateš*, урду *атиш* (рус. транскр.). Интересно, что в урду существуют две формы слова 'огонь': *ātiš* и *agni* (вторая форма совпадает с формой этого слова в индийских, славянских языках и в латыни). В восстановленном общеалтайском [10] существует и третья форма для этого слова: Ст.23 *p'ōgV* 'огонь', 'пылать', о которой мы писали в работах [13,14,15]. К этой форме сводятся и германские формы. «Продолжения» таких форм для слова 'огонь', на американском континенте мы не нашли.

10. 'Гореть', 'жечь' — *ko/upa*. Такая форма для этих слов есть у И-С: № 95. У Ст. № 256 **k'ūŋV* 'гореть', 'подгорать': тюрк. **kun-*, *kun-tūg* — 'гореть, жечь, зажигать, обгорать, сажать', др. тюрк *kön*; монг. **kūn- kūni-* 'иметь запах, вкус подгорелого', дагур. *kunšun*. Тунг-Маньчж **xun(ŋ-gV) (*k-)* — 'подгореть, подгорелый', маньчж. литературный *kuŋ-šun*. Фактические данные лексики показывают распространение этой формы со значением 'гореть, огонь' на большой территории, захватывающей и Сев. Америку. Но следует особо подчеркнуть его существование в хамитских языках: куш. хауса: *kona* — 'гореть, жечь'. Такая форма распространена в языках Сев. Азии и Сев. Америки: Прачукотский (ПЧук.) *keny-et* — 'гореть', *уьп-* 'огонь'; коряк. *qanGaqan*, алеут. *qignaŋ*, инук. *iŋniq*, юк. *kiŋiq*, навахо. *khoN*, чпв. *Khun*, тлинг. (т) *хан* — 'огонь'; навахо. *k'āNl*, чпв. *-k'ān*, тлинг. *kan, qan* — 'гореть'. Из африк. языков: сомали *kulayl-ka* — 'жар, жара', *kul-ka* 'зной'. Сюда же, по-видимому, можно привлечь и нивх. *k'avla* — 'горячие угли, зной'.

11. 'Жар (огня)' — *k'ul*. Алт. Ст № 146 **k'ulV* (-ü-) 'зола, жар': тюрк **kūl* — 'пепел, зола'; Тунг-Маньчж **xuldū* — 'теплый, нагревать'; нанай. *xul'di*; ульч. орок. *xuldu*.

12. 'Кусать' — *kam/kem*. Этот и следующий пример мы уже рассмотрели выше и в работе [14].

13. 'Хватать' — *k'aba/k'ara*. Эта праформа, полученная И-С № 190 *k'aba/k'ar'a*, существует во всех ностратических языках.

14. 'Бить' — *s'ara*. Эта праформа И-С № 41 *s'ara* — 'бить, рубить', существует во всех ностратических языках, кроме карт. Есть оно и в яз. суахили: *šara* 'бить'. По нашему мнению, это слово намного позднее стало обозначать орудие обработки земли, 'мотыгу'. Например, укр. *сапа* — 'мотыга', итал. *zarra* — 'мотыга, кирка'.

15. 'Резать', 'рубить' — *kata*. Это слово в такой форме существует во многих яз., разбросанных по всей Евразии и Африке: суах. *kata* — 'резать, рубить'; тамиль. катары — 'разрезать'; тагаль. *katauin* — 'резать скот'. В украинском: *катувати* 'мучить' (наверное, раньше имело значение 'резать или рубить')

16. 'Нож' — *kis/kes/kas*. И-С. № 196 *k'ācā* 'резать'. Эта форма существует во всех ностратических языках. А в значении 'нож' только в некоторых: туркм. *kaser* 'режущее оружие' и в др. яз. Особенно интересно, что эта форма существует в языках банту: суахили *kisu*, луганд.

ekis ‘нож’. Интересно, что и в шумерском такая форма *kaz, haz*, означает ‘резать’. Лат. *kas-tro* ‘обрезаю’, слав. *kosa* ‘орудие для косыбы’.

17. ‘Кора’ — *kar/kog/ker*. Очень во многих языках Евразии и Африки слово ‘кора’ имеет подобную форму.

18. ‘Гусь’. Во многих языках, которые мы рассмотрели, это слово имеет две формы: *bat/bad* и *guz/gaz/yaz/gas/gis*. Есть языки, в которых сл. ‘утка’ тоже имеет форму *bat*. Например, в яз. урду *батах*; в афганск. ‘гусь’ имеет два названия: *бата* и *кааз*; в нахских — *бад*. В мальгашском *gisa* – ‘гусь’. В картвельских *bat* и ‘гусь’. Но самое интересное то, что форма *bat*, встречается в яз. банту: суахили *bata*, луганд. *embaata*, линг. *libata*. В изолированном языке бурушаски ‘гусь’ *balbat*. В там. *ватты* — ‘утка’.

19. ‘Черный’ — *kaqa*. И это слово с такой формой существует во многих языках Евразии и даже Сев. Америки.

20. ‘Рот’ — — *bag/bak/ak/ag*.

21. Слова ‘шерсть’, ‘волос’ и ‘шкура’ с основой (праформы) *rel/bal/bul* мы заметили в статье И. И. Пейроса [9], в которой идет речь о контактах между СТ и австронезийскими (АН) языками: СТ **prəl* (звук *se* обычно обозначают перевернутым *e*): древнекитайский (ДК) **phœj* — ‘тонкая шерсть’; тиб. *bal* — ‘шерсть’; канаури *ru* ‘волосы’; миджу *bul* ‘шерсть’, ‘перья’; АН *bulu* (АН языки это: тагальский, тоба-батакский, яванский, малагасийский, нгаджу, джийский, саа, полинезийский) **bulu* — ‘волос’. В словаре И-С, к сожалению, слова с такой формой нет. Наверное, следует сопоставить СТ и АН формам западноазиатские формы и в первую очередь картвельские (карт) и восточнокавказские (ВК): карт. *bumbuli, burt’qli* — ‘пух’ (в первом из этих слов мы имеем, по-видимому, часто наблюдаемую в карт. языках редупликацию), карт. *balani* ‘волосы на теле человека’, в даргинском и лакском *pala* — ‘шерсть, волос’, в нахских: ‘волосатый’ *baŋla*. В баскском ‘волос, шерсть’ — *bilo*, в индонезийском *bulu* ‘шерсть’. В языке хауса ‘шерсть’ — *wulan* (обращая внимание на сходство этого слова на англ., можно предположить его заимствование. Но такое утверждение трудно доказать. Неужели хауса не имели собственного слова для обозначения ‘шерсти’? Или, может быть, оно имело другую форму).

22. ‘Ребёнок’ — *bal/bag/ber*. В [8] праформа И-С № 32 *bΛgΛ* ‘ребенок’. Кроме с-х языков такая форма сохранилась в карт. и и-е языках. Алт. формы у И-С нет. Форма для общеалтайского получена в [10]. Это Ст. № 314 **baldV* ‘рождать(ся), ребёнок’. В с-х: кушитских **brt*: сахо (ироб) *bāga*, афар *bālā* ‘ребенок’. В карт.: занских: чан. *bere* ‘дитя, сын’. В и-е: албанский: *bir* ‘сын’, др.-исланд. *buŋ* ‘сын’, др.-верх.-нем. *barŋ* ‘ребенок’, ст.-литов. *bernas*, латыш. *bērn* ‘ребенок’. От себя добавляем: в англ. (шотл.) *bairn* ‘ребёнок’. В енис. [12] **pVl* — ‘ребенок’ (на одном из енис. языков, пумпокольском, *fala* — ‘сын’, *falla* — ‘мальчик’. Нельзя не заметить фантастическую параллель с французскими словами: *fil* — ‘сын’ и *fille* — ‘дочь, девочка’, которая может оказаться не такой уже фантастической, если учесть довольно часто встречающиеся параллели лексики европейских языков с лексикой языков, носители которых жили в районе Алтайских и Саянских гор и в верховьях Енисея [15]). Кроме того в карт. языках ‘птенчик’ — *bart’q’i*, ‘медвежонок’ — *beli*, ‘ребёнок’ (диал.) — *bal’i*. Нахская форма этого слова *ber* ‘ребёнок, дитя’, имеет сходство с непризнанной пока этрусской, интерпретированной нами, формой в словах: *regas*, которое мы переводим как ‘дети’, и *regri* — ‘роженица’ [16]. Второе слово совпадает с таким же словом в итальянском языке, что может говорить о связи этрусского языка с восточнокавказскими (ВК). Вышеприведенные факты говорят о том, что рассматриваемая форма слова ‘ребенок’, встречается, как в ностратических, так и в сино-кавказских языках. А если к сказанному добавить, замеченную нами связь ВК и алт. лексик [15], то, по-видимому, можно говорить об общей базисной лексике языков этих двух макросемей.

Мы надеемся, что исследования в этом направлении, возможно, прояснят ситуацию с европеоидами, которые когда-то жили на Алтае, а значительно позднее создали Афанасьевскую археологическую культуру.

Проблему дивергенции древнейшего языка (в нашей терминологии «единообразного») пока мало кто затрагивал в своих трудах. И причина этого в том, что еще не решена главная

проблема лингвистики: пока не известно, возникал ли каждый язык на своей особой территории или все языки вместе на общей.

При этом, одной из главных проблем древнейшей истории является пересмотр укоренившихся представлений о том, что если язык распространялся из Африки, то на других территориях уже жил кто-то из людей; или, непреодолимое пока представление о том, что, если, например, шумеры раньше всех начали записывать свои документы, то шумерский язык считается и сейчас самым древним, корни слов других языков надо искать в шумерской лексике; и еще многие другие представления, которые надо менять, (разумеется, исходя, в первую очередь, из языковых фактов) для того, чтобы можно было бы решить застарелые этнолингвистические проблемы.

Появление ностратической теории должно было бы стимулировать работы по поиску прародины хотя бы ностратических языков. Поскольку сама ностратическая идея подразумевала генетическое родство ностратических языков. А это, естественно, означает единую территорию их появления.

Не менее важной была проблема времени появления ностратических языков. И вначале вся эта проблема виделась как полигенез языков, вслед за полигенезом человека.

Но, как было сказано выше, предок человека превратился в человека в Африке. И, по нашему мнению, примерно 2 млн. лет назад начал выход из Африки.

Сейчас мы пересматриваем возможные сроки выхода человека из Африки в результате ознакомления с результатами новых и новейших исследований [17].

Надо сказать, что процесс расширения территории заселения архантропа, очень сложный процесс, поскольку нет уверенности в том, что из Африки не выходили, на протяжении нескольких сотен тысяч лет, вместе с прямыми предками человека и всякого рода гоминиды, дальние родственники человека по параллельным ответвлениям древа гоминид, которые тоже могли заселить те же территории, и которые тоже могли иметь какую-то свою лексику.

Следует отметить, что анализ вышеприведенной базисной лексики в плане ее схожести в различных языковых семьях позволяет сделать некоторые предварительные выводы. А именно, факты лексических параллелей между африканской лексикой (как хамитской, так и банту) с алтайской, в то время как индоевропейская базисная лексика имеет выразительные отличия, с учетом того важного обстоятельства, что алтайские языки имеют по две формы для таких слов, как 'я', 'язык', 'огонь', свидетельствуют в пользу нашего предположения, что процесс исхода архантропа из Африки был сложным многоступенчатым протяженным во времени процессом.

Весьма вероятно, что волны условного первого потока выходцев из Африки состояли из представителей *Homo erectus* и *Homo ergaster* с элементами базисной лексики, которую сегодня можно обнаружить в африканских языках и алтайских, а волны второго потока переселенцев из Африки состояли уже из представителей *Homo sapiens* с несколько отличной базисной лексикой, наблюдаемой ныне у европейцев.

По предположениям палеоархеологов, на полуострове Индостан произошло разделение носителей знаний технологий обработки камня на две основные части: на тех, кто изготавливал так называемые чопперы, и на тех, кто изготавливал рубила [18].

Изготовители рубил, в конце концов, обосновались в западной части Индостана, а их потомки уже через 2–3 сотни тысяч лет дали начало ностратическим племенам Западной Азии, изготовители же чопперов стали предками всех тех народов, которые в настоящее время живут на территории Восточной и Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании.

Рассматривая древнейшую лексику, можно, наверное, попытаться решить вопрос: какие языки можно считать генетически изолированными? Наверное, к изолированным можно отнести те языки, базисная лексика которых отличается от такой же лексики соседних и далеко не соседних языков. Согласно классификации языков, приведенной в книге [19], к изолированным языкам относят мертвые и современные языки Евразии: шумерский, баскский (согласно авторам классификации, возможно, относится к синокавказским), айнский (возможно, относится к австрическим), бурушаски (возможно, относится к синокавказским), кусунда, нахали, юкагир-

ский (возможно, близок к уральским или чукотско-камчатским), эламский, нивхский (возможно, близок к чукотско-камчатским).

Изолированными считают также мертвые доиндоевропейские языки Европы: этрусский (возможно, относится к синокавказским), лемно-пеласгский, лигурийский, нурагийский, пиктский, ретийский, тартессийский, иберийский и некоторые другие малоупоминаемые в литературе языки.

Мы не можем сказать, можно ли отнести, например, нивхский язык к изолированным, если несколько слов этого языка близки к лексике, определенной нами, как лексика «единообразного» языка: ‘я’ ni, ‘собака’ kan, ‘небольшой кит (т. е. ‘рыба’)’ kalm, ‘горячие угли, жар, зной’ k'avla, ‘язык’ hilx.

Л и т е р а т у р а :

1. Маловичко А. В., Козырский В. Г.. Происхождение человека и моногенез языка. // Соционика. №6, 2005.
2. Кларк Дж. Д.. Доисторическая Африка. М., 1977.
3. Сводеш М. Лексические связи языков Америки и Евразии. Этимология 64. М., 1965.
4. Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1989.
5. Вандриес Ж. Язык. М., 1937.
6. Мельничук А. С. О всеобщем родстве языков мира. // Вопросы языкознания. № 2-3, 1991.
7. Мосенкіс Ю. Л. Теоретичні аспекти поглибленого діахронічного дослідження основної лексики. Київ, 1997.
8. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (ОСНЯ). Т. 1. М., 1971.
9. Пейрос И. И. Австро-Тайская гипотеза и контакты между сино-тибетскими и австронезийскими языками. // Сб. Древний Восток: этнокультурные связи. — М., 1988.
10. Greenberg J. H. Bloomington, Indiana, 1963.
11. Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. — М., 1991.
12. Старостин С. А. Енисейский сборник. Лингвистика. М., 1995.
13. Козирський В., Маловічко О. Чи існувала колись у Євразії єдина мова ? // Мова та Історія. Вип. 80. — Київ, 2005.
14. Козирський В., Маловічко О. Досвід дослідження моногенезу мов. // Мова та Історія. Вип. 85. — Київ, 2005.
15. Козирський В., Маловічко О. Чи існує алтайська лексика в германських мовах. // Вісник Київського Університету (в печати).
16. Маловичко А. В. Опыт интерпретации памятников этрусской письменности. Зб. Сучасне українське кавказознавство. Київ, 1999.
17. Деревянко А. П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2 (22), 2005. Новосибирск.
18. Алексеев В. П. Географические очаги формирования человеческих рас. — М., 1985.
19. Бурлак С. А., Старостин С. А. Введение в лингвистическую компаративистику. М., 2001.

Статья поступила в редакцию 19.05.2007 г.

Об авторах:

МАЛОВИЧКО Александр Викторович — кандидат физико-математических наук, академик УАННП, зав. лабораторией технического лица при КПИ, председатель семинара «Язык и история».

КОЗЫРСКИЙ В. Г. — кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник ИТФ НАН Украины.